

ГУМАНИТАРНЫЕ ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На рубеже веков тезис «XXI век либо будет веком гуманитарных наук, либо его не будет совсем» был чрезвычайно востребован российской научной и публицистической риторикой, породив множественные рефлексии на тему гуманитарных «потерь» и вызовов глобализации. И если некоторое время назад безапелляционность цитируемого высказывания воспринималась как риторический изыск, то изнутри реалий набирающего обороты нового века трудно не признать: современный мир становится все менее соразмерным человеку.

Постепенное вытеснение гуманитарных приоритетов социокультурной динамики техноцентрическими и информационными трендами привело к описанию современности в тревожных характеристиках очередного «кризиса культуры», системного «антропологического кризиса» и совсем безутешных прогнозов грядущей антропологической катастрофы, о приметах которой в свое время писал еще М.К. Мамардашвили¹.

Глобализация, по сути, «обнуляет» всю историю развития представлений о культуре как системе с устойчивым ценностно-смысловым ядром, демонстрируя все новые модусы переформатирования мирового культурного пространства. Восток и Запад, вопреки известной максиме Р. Киплинга, не просто сошли со своих мест, но уверенно проросли на противоположных цивилизационных полюсах, порождая не только различные модели гибридизации культуры, но и болезненные столкновения. Модернизация и традиционализм стремятся, не стесняясь в средствах, доказать друг другу собственное преимущество и «право сильного» на мировой арене. На угрозы культурной унификации, человечество в самых разных частях света, словно в насмешку, отреагировало демонстративной манифестацией своей культурной неоднородности и обозначением символических границ, показав, что этнокультур-

¹ Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. – С.104.

ное и ментальное многообразие современного мира не только не сокращается, но становится все более сложным и конфликтным.

Вместе с тем, постоянно нарастающее социальное и культурное разнообразие стимулирует эмансипацию человека от социальных и культурных общностей и пугающий своей стремительностью рост степени свободы индивида от традиционных ценностных систем. В итоге человек новой эпохи – «глобальный человек» – достиг абсолютной свободы в выборе идентичности, которая становится не просто множественной, но прецедентной, и вдруг ощутил такое экзистенциальное одиночество, что моментально научился создавать новые формы социальности, основанные не столько на больших нарративах, сколько на ситуативной общности интересов.

В результате современная культура вопреки сценариям глобального проекта по-прежнему описывается в терминологии неклассического дискурса: как феномен пост-истории, эпохи пост-логоцентризма, как нечто, что может быть осмыслено исключительно в методологии постструктурализма, если будет «просеяно сквозь сито» постмодернистского релятивизма и деконструкции, оказываясь в результате пост-культурой. Этот термин демонстрирует значительные эвристические возможности в артикуляции современной культурной ситуации с ее трендами неопределенности, текучести, пограничных состояний и флуктуирующих идентичностей, а также характеристик коллективного субъекта современной культуры, который, с легкой руки американских исследователей Н.Хоува и В.Штрауса закрепился в современном дискурсе как «поколение Миллениума» или «поколение Y». Оно появилось и формировалось в реалиях последних трех десятилетий, в условиях техноцентрического тренда глобализации, информационной и цифровой революций. Усредненный миллениал – человек с незавершенной, разомкнутой идентичностью «постороннего», фланирующий по границам множества виртуальных социальных и культурных миров, ни к одному из них не партисипируя. Это поколение, свободное от авторитета «Великого другого»,

не слишком чувствительное к завоеваниям «дуалистической революции»² – системе координат, основанной на оппозиции сакрального и профанного, на понимании важности различения сущего и должного, добра и зла, прекрасного и безобразного.

Миллениал как «продукт» и, что еще более важно, субъект пост-культуры, упраздняя эту дуальную определенность, воспроизводит культуру «с пустым центром», «потенциальный уплотненный хаос», содержащий в «свернутом виде» множество потенциальных бифуркационных расслоений и культурных сценариев. При этом почти невозможно прогнозировать, который из них готов развернуться с силой расправленной пружины³ и не он ли повлечет за собой гуманитарную или антропологическую катастрофу.

В этой связи остро встает вопрос «антропологического поворота» в глобальных процессах, который, в свою очередь, требует актуализации гуманитарных аспектов социокультурной динамики.

Гуманитарное образование и, шире, – гуманитарное знание выступает, с одной стороны, как важнейший фактор формирования всякой национальной культуры, а, с другой – как ее концентрированное воплощение. Не будет преувеличением, если мы скажем, что гуманитарное знание – это ценный «осадок» культуры народа в ее концентрированном, «снятом» виде.

Однако последние десятилетия отмечены значительными сдвигами в структуре российской науки и образования. При этом отчетливо фиксируется изменение критериев их «социальной полезности» в сторону усиления экономического эффекта. В свою очередь ориентация российской экономики на технологические тренды и наукоемкие области знания рождает мифы о «несвоевременности» и «избыточности» социально-гуманитарного знания, а статус интеллектуала – гуманитария на шкале между элитарностью и маргинальностью заметно качнулся в сторону последней. Между тем, в конструировании

² *Пелипенко А.А.* Избранные работы по теории культуры. Культура и смысл. – М.: ООО «Издательство «Со-гласие»; Издательство «Артем», 2014. – С. 636-659.

³ *Бычков В.В.* Эстетика – М.: КНОРУС, 2012. – С.300-307.

нии современной социальной и культурной реальности возможности гуманитарного знания почти безграничны, а эффекты несводимы к экономическим эквивалентам. Сложный культурный контекст (потенциальный уплотненный хаос посткультуры) и не менее сложная структура рациональности, которая оперирует одновременно категориями классического, неклассического и постнеклассического дискурсов, рождает столь же разнообразные концепции развития культуры и гуманитаристики.

Для того, чтобы прогнозировать перспективы гуманитарного знания, важно понять логику и векторы его динамики в новейшей отечественной истории, которую, как правило, отсчитывают от середины 80-х гг. прошлого столетия. В целом в этой динамике с некоторой долей упрощения можно выделить несколько этапов, последовательность которых была обусловлена возникновением тех или иных гуманитарных вызовов и социальных запросов на гуманитарное знание.

Очевидно что первый, начальный этап формирования постсоветской гуманитаристики стал ответом на мировоззренческий кризис, дискредитацию коммунистической идеологии и методологии исторического материализма. Гуманитарное знание должно было формировать новую объяснительную модель и новую картину мира. Этот «переломный» этап развития гуманитарного знания еще пришелся на традиционную для России классическую систему науки и образования. Она была ориентирована на формирование фундаментальных системных знаний в новой научной парадигме, свободной от идеологии; на подготовку универсального специалиста «широкого профиля», цельной и гармоничной личности. А кроме того, на понимание социальной реальности как данности, в общем-то, безальтернативной, к которой необходимо пластично адаптироваться и воспроизводить со всеми ее достоинствами и недостатками. Такая модель образования была ориентирована на максимальную стандартизацию параметров личности и образцов поведения, что в свою оче-

редь обеспечивало лояльность населения к существующему социальному порядку⁴.

Второй этап и следующий вектор развития гуманитарного знания стал реакцией на новый социальный запрос, связанный с постоянно нарастающим социальным и культурным разнообразием, более или менее демонстративным проявлением «этнокультурных и гендерных Других»⁵, появлением многочисленных религиозных и политических движений. Ответом на этот запрос стала новая парадигма гуманитарного знания – «культурологическая»⁶. Ее главная цель заключалась в преодолении установки на пассивную социальную адаптацию индивида. Теперь важно было сформировать у человека представления о социокультурной реальности как пространстве множества жизненных сценариев и почти неограниченных возможностей индивидуальной самореализации в самых разных контекстах – от политических и профессиональных до субкультурных.

Показательно, что в рамках «культурологической парадигмы образования» не столь ценны знание и умение разбираться, например, в искусстве. Формирование нравственного статуса личности тоже не в числе ее приоритетов, - главное – успешная социализация индивида⁷. Данная парадигма «проросла» и реализовалась уже в рамках новой (неклассической или постклассической) модели гуманитарного образования, где целостность, последовательность, определенная логика движения к знанию постепенно вытеснялась фрагментированностью и самого процесса обучения, и собственно, содержания знаний.

Наконец, третий, существующий пока лишь в тенденции, вектор развития гуманитарного знания связан с отчетливо фиксируемым в последнее время социальным запросом на самый широкий спектр информации о культуре

⁴ Флиер А.Я. Культурологическая парадигма образования (к определению понятия) // *Культура и образование*. - №1 (10)7 – 2013. – С. 25-31.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

со стороны самых широких масс населения. Достаточно вспомнить ажиотажи, которыми отмечены все крупные культурные и художественные события последних нескольких лет, например, выставки в Третьяковской галерее.

Аналогичный запрос демонстрирует и «поколение Y» (через которое уже «прорастает» «поколение Z»). Другое дело, что у этого запроса есть особенность – знание должно быть получено почти мгновенно, в легко усваиваемом, лучше – в схематичном виде и, в идеале, в дистантной форме.

Новый коллективный субъект культуры – это поколение с устойчивой зависимостью от технологий сетевой коммуникации и жизненным миром, «свернутым» до технологических возможностей смартфона. А вот если говорить о потребности и способности к гуманитарной рефлексии, или, как говорили древнегреческие ученые мужи, «любви к мудрости», то с грустью приходится констатировать, что понятие мудрости едва ли по-прежнему может претендовать на статус базовой добродетели современного общества и приоритета миллениумов. Пожалуй только в том контексте, в котором о ней упоминал Габриэль Марсель, размышляя о «трагической мудрости» и сожалея о том, что на статус мудреца, образ которого в современной культуре чрезвычайно размыт, претендует теперь все общество, а само понятие «мудрец» утрачивает своего очевидного референта⁸.

И если в середине прошлого столетия интуитивное пророчество Г.Марселя звучало загадочно, то в XXI веке оно легко расшифровалось и даже сбылось благодаря появлению и стремительному развитию информационных технологий и искусственного интеллекта. Сегодня мудрец, ученый – источник и производитель знания, – и его потребитель, благодаря обширному рынку гаджетов, почти равны друг другу в обладании этим знанием. Траектория движения к знанию значительно сократилась, если не «схлопнулась» вовсе. Его постижение как длительный процесс, череда трудоемких рефлекс-

⁸ *Марсель Г.* К трагической мудрости и за ее пределы // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Политиздат, 1991. С. 352 – 366.

сивных процедур поколению, сформировавшемуся в условиях цифровой революции и «визуального поворота», нередко представляется обременительным и избыточным. Гораздо проще «присвоить» это знание в готовом виде, «скачать» с помощью все тех же гаджетов. Поэтому метафора «трагической мудрости» кажется вполне уместной.

Выход из ситуации пост-культуры невозможен без реабилитации гуманистических приоритетов в социокультурной динамике; невозможен, пока субъектом культуры не станет качественно иной тип личности. Не «глобальный» человек – маргинал с невнятной идентичностью кочевника и фланера, а человек, глобально мыслящий, в идеале – универсально образованный и одинаково комфортно существующий в культурных мирах и Востока, и Запада. Такой тип личности, для которой презумпция невинности традиции – ценность столь же безусловная, как все достижения модернизации и преимущества цифровой революции. Без реабилитации статуса гуманитарного знания и образования ответить на эти вызовы едва ли возможно, а чем могут обернуться гуманитарные потери глобализации и антропологическая катастрофа, лучше бы нам не знать.